

Слова

Если жизнь — пространство для ловитвы,
чем спастись? Любое слово — блеф.
Шепчешь зря подобие молитвы,
и что крест, что трепф?

Равнодушно, как для князя ханство,
радости не даст ни на микрон,
серое небесное пространство
с четырёх сторон.

Ощущаешь: жизнь идёт на убыль,
обманула, как искусный тать,
пару слов — смочить сухие губы —
надо б прошептать.

Да, мираж — поток ультрамарина
и прозрачно-золотой родник,
да, всего лишь смятая перина —
тонкая подделка из Турина.
И в словах нарушена доктрина.
Но куда без них?

Обстоятельства выше нас

Незаметно растаял наст
в отбелевшем фрагменте двора;
обстоятельства выше нас,
сколько странных забот с утра.

Ты меняешь рубашки фасон,
чтоб торжественно вынести хлам;
мог бы быть и другой резон.
Тебе кажется: это сон,
затянувшийся наш бедлам.

Надо только найти, где створ,
и — наружу, в полёт, в весну;
тебя встретит там птичий хор,
твоей «Шкоды» взревёт мотор,
равный дикому табуну.

Собирай же скорей пакет —
свой предел для удачных дел.
Над тобой потолка багет.
Сжалась Русь, что музейный макет
или княжеский малый удел.

Ворона

Прилетев сюда подобьем дрона,
щупом клюва обыскав гнильё,
всполохнулась чёрная ворона,
слыша приближение моё.

Знать бы ей, какие нынче рамки:
каждый шаг, куда велит компас,
каждый шаг затвержен по программке.
Не летим, куда там! Мы — подранки,
как в любимом фильме не про нас.

Присмотрись: на хищнице — корона.
Царствует средь мусорных вершин
крупная, тревожная ворона,
чёрная, как цвет сменённых шин.

Курсант

Уже коричневат и золотист,
в каком-то пируэте, как артист,
с нависшей ветки оторвался лист
не без бравады.
Помедлил над панбархатным ковром,
сверкнул в луче изогнутым ребром;
за ним уже другие — вчетвером —
перелетели низкий борт ограды.

Как будто бы другого дела нет,
как в старом вальсе выпускник-кадет,
невидимым потоком чуть задет,
снижался с блеском.

Был невесомым золотым кружком —
и стал личинкой, куколкой, мальком;
в обыденном пейзаже городском —
стотысячным довеском.

Я оторвался от ненужных дел,
смотрел в окно, пока он так летел.
Стать перегнемоем — весь его предел,
так их гласят уставы.

Он лёг, слегка задев асфальта кант,
отчаянный и смелый, как курсант,
как за Днепром расстрелянный десант
за день до переправы.

Операция

Внезапно сообщила радия:
«Готовьтесь, немец у порога!»
Готовлюсь—завтра операция,
и я опять в руце у Бога.
Туман задёрнул речку полностью,
венозной набухают вены;
два погранца в прибрежной поросли.
Всего лишь час до их замены.
Вот-вот взревет аэродромы,
минут за тридцать до вторжения.
В отсеках бомбы-костоломы
почти дрожат от напряжения.
Я слышу краткий спор о дозе,
я на столе каком-то длинном,
распластанный в нелепой позе,
кукую под новокаином.
Я не усну от этих капель,
пристёгнутый к такому ложу.
Чуть полоснуло—это скальпель
в два лепестка разрезал кожу.
Заштопан, я сейчас воскресну:
лишь день один—и мне обратно.
Груз смертоносный рухнул в бездну,
усиливая вой стократно.
Два погранца исчезли в пламени,
погибли взводы и заставы.
Зачем ненужный спор о знамени?
Все, кто там был,—навек правы.
Всё это сон, ушло, заштопано,
зарубцевались злые шрамы,
под многослойный грунт закопано
да стало частью диорамы.
Подлог, обманка, аберрация,—
мой современник судит строго.
Готовьтесь—завтра операция,
и мы опять в руце у Бога.

Вечер на В...кове

После их печального осмотра
к арке в тёплой охристой стене
подхожу, чуть хорохорясь бодро,
им же—оставаться в тишине.

Чьё-то фото, мрамор, бронза, камень—
маленький гранитный мавзолей.
Вы, при жизни бывшие богами,
прячетесь в густой тени аллея.

Вечность коротать теперь в соседстве,
словно кто-то все преграды стёр.
Этого—когда-то видел в детстве,
тот—навек любимейший актёр.

Сорок лет назад был чёрен волос,
сорок дней как бард закрыл уста.
«Протопи!..»—рвал воздух хриплый голос,
словно из могилы без креста.

Сахарный, улыбчивая маска,
за Окой, в Мещёре, твои га.
Может быть, при жизни чуть заласкан,
провалился в землю, под снега.

Споры, чьё пристанище престижней,—
суета, тщеславья тонкий яд.
Тот, кто к вам пришёл,—он самый ближний.
Только пусть задержит дольше взгляд.

Не отъедет маленькая барка,
но вступает что-то с нею в спор.
За спиной—приземистая арка—
вечности замаскирован створ.